

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>
<https://elibrary.ru/MAVROA>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. Е. В. Николаева

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

Петр I и его время в творчестве Л. Н. Толстого

Аннотация: В статье рассматривается творческое осмысление Л. Н. Толстым личности Петра Великого и его эпохи. Упоминание имени Петра I, оценка его значения, роли в отечественной истории в произведениях и письмах Толстого прослеживается на протяжении всей творческой жизни. К эпохе Петра I писатель чувствовал живой непосредственный интерес, что определило его отношение к этому времени как «узлу» русской жизни и начало работы над несостоявшимся романом из времени правления первого русского императора. К фигуре Петра I Толстой обращается также в детских рассказах из «Азбуки» и книжки-приложения к журналу «Ясная Поляна». Авторство рассказа из книжки для чтения точно не установлено. Сопоставительный анализ языка и содержания рассказа с черновыми вариантами к ненаписанному роману позволяет с большой долей очевидности предположить авторство Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Петр I, роман, рассказы для детей, творческая история, замысел, авторство.

Информация об авторе: Евгения Васильевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 06.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Николаева Е. В. Петр I и его время в творчестве Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 102–111. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Evgeniya V. Nikolaeva
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy

Abstract: The article deals with Leo Tolstoy's creative understanding of the personality of Peter the Great and his era. The mention of Peter I, assessment of his personality, his role in national history in the works and letters of Tolstoy can be traced throughout his creative life. The writer felt a lively direct interest in the era of Peter I, which determined his attitude to this time as a “node” of Russian life and the beginning of work on a failed novel from the reign of the first Russian emperor. Tolstoy also refers to the personality of Peter I in children's stories from the “ABC” and the book-supplement to the magazine “Yasnaya Polyana.” The authorship of the story from the reading book has not been definitely established. A comparative analysis of the language and content of the story with draft versions of the unwritten novel makes it possible to assume with great certainty the authorship of Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy, Peter I, novel, stories for children, creative history, design, authorship.

Information about the author: Evgenia V. Nikolaeva, DSc in Philology, Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

Received: August 03, 2022

Approved after reviewing: October 06, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Nikolaeva, E. V. “Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>

Среди нереализованных творческих замыслов Л. Н. Толстого есть два исторических: это роман о декабристах, которого долго, но безуспешно ожидали почитатели писателя, и роман из времен правления Петра Великого. От этих замыслов остались обширные подготовительные материалы, которые время от времени становятся предметом пристального внимания исследователей [Гулин; Ковалева], однако сохраняют еще немало творческих загадок. Оба эти замысла объединяет обращение писателя к отечественной истории и его довольно протяженные во времени попытки вернуться к продолжению этих работ.

В произведениях, рукописях, материалах Толстого, имя Петра I встречается, причем в первую очередь оно появляется среди рассуждений и замечаний исторического характера. Так, в «Записке о дворянстве» Толстой разбирает проекты освобождения крестьян и выкупа земли у помещиков и, к слову, вспоминает Петра I, с которым льстецы сравнивают императора, пытаясь убедить его, что он «великий преобразователь России»: «Ежели некоторые в порыве излишнего восторга, а другие избрав великое дело поприщем подлой лести, умели убедить Государя Императора в том, что он 2-ой Петр I и великой преобразователь России, и что он обновляет Россию и т. д., то это совершенно напрасно, и ему надо поспешить разувериться; ибо он только ответил на требование дворянства, и не он, а дворянство подняло, развило и выработало мысль освобождения» [Толстой 5: 268]. В черновых редакциях «Войны и мира» среди рассуждений историко-философского характера о возможности влияния великих лиц и героев на волю миллионов людей наряду с Наполеоном, Фридрихом, Екатериной, Потемкиным писатель также неоднократно вспоминает имя Петра I [Толстой 13: 32, 808; 15: 215]. В «Анне Карениной», в контексте разговора о ведении хозяйства в усадьбе в пореформен-

ное время¹, один из персонажей романа называет Петра I, равно как Екатерину и Александра, в числе реформаторов в сельском хозяйстве: «Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европейскую историю. Тем более прогресс в земледельческом быту. Хоть картофель — и тот вводился у нас силой...» [Толстой 18: 350]. Подобных примеров можно привести еще немало, они сопровождают всю творческую жизнь писателя, даже в последние годы в разговорах с близким окружением Толстой по разным поводам вспоминает о Петре, особенно часто в 1906 г., что скрупулезно отмечает в своих записках домашний врач Д. П. Маковицкий [Маковицкий: 8, 50, 87, 107, 129, 207, 298].

Большинство подобных упоминаний не носит личного характера до тех пор, пока Толстой не обращается непосредственно к работе над романом из времен Петра I. В письме к А. А. Толстой, с которой писатель всегда делился литературными замыслами, ходом работы над их реализацией, он справляется о своих предках, Петре Андреевиче Толстом и его сыне Иване, сосланных в Соловецкий монастырь и умерших там. Это письмо датировано 5 июня 1872 г. — временем, когда Толстой был уже глубоко заинтересован новым историческим замыслом. В этом же письме он сообщает о намерении летом съездить на Соловки: «Если Бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки. Там надеюсь узнать что-нибудь. Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться, когда ему было возвращено это право. Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, — в нем конец» [Толстой 61: 290–291]. Заданные писателем вопросы лишний раз иллюстрируют одну из отличительных особенностей его художественного мира: использование судеб, характеров своих предков, автобиографических черт в качестве материала для создания образов героев произведений. При намерении написать о Петре, его окружении и его времени он, конечно же, не мог обойтись без включения в «портрет» этой эпохи одного из ярчайших сподвижников императора, первого в ряду графов Толстых.

Такое же глубоко личное отношение у писателя сформировалось не только к людям того времени, но и к самой эпохе. В середине 1880-

¹ О хозяйствах помещиков и усадьбах в романе «Анна Каренина» см. подробнее: [Андреева: 30–42].

х гг., давно оставив работу над романом о Петре I, в вариантах к статье «Николай Палкин», Толстой признается, что какими бы ни были времена Ивана Грозного, Михаила, Алексея, они далеки от него и отмечает: «...с Петра так называемого великого начиналось для меня что-то новое живое. Я чувствовал, читая ужасы этого беснующегося, пьяного, распутного зверя, что это касается меня, что все его дела к чему-то обязывают меня» [Толстой 26: 564]. Глубоко личностное, пропущенное через собственный внутренний мир ощущение времени, судя по завершённым произведениям писателя, — совершенно необходимое условие творческой работы Толстого и успешного результата труда.

Из этого довольно позднего по отношению ко времени работы над романом отрывка видно, что имя Петра I связано в сознании писателя с резко отрицательной характеристикой. Оценка личности Петра I складывалась у Толстого на основании детального изучения исторических трудов, в процессе размышлений и на основании непосредственных жизненных впечатлений, полученных в разное время. Осмысление личности Петра I, его роли в истории продолжалось буквально до последних лет жизни. Так, например, в Дневнике за 1906 г. Толстой замечает: «О раскольниках при Петре. Дело для них не двуперстное сложение, а то, что властвует антихрист» [Толстой 55: 221]. В Записной книжке 1870 г. (по поводу спора славянофилов и западников) Толстой отмечает справедливость каждой из позиций, указывает на то, что «время Петра сделало великое, необходимое дело, открыв себе путь к орудиям Европейской цивилизации, не нужно было брать цивилизацию, а только ее орудия, для развития своей цивилизации» [Толстой 48: 123]. В Дневнике 1889 г. в контексте записи о славянофильстве высказана мысль, что благодаря Петру русское высшее сословие усвоило себе всё, что сделал запад, стало на тот путь, где видно, что идти дальше некуда...» [Толстой 50: 146].

Сложившееся у Толстого представление о Петре повторяется практически без изменений многократно в беседах, письмах, вариантах к публицистическим произведениям, к повести «Хаджи-Мурат»: «И еще больше был уверен в своем превосходстве над всеми людьми тот, всегда пьяный, развратный сифилитик, безбожник Петр, собственноручно для забавы рубивший головы стрельцов, с ящиком для штофов водки, сделанным в виде Евангелия, и с крестом, сделанным из чубуков <...>, ездивший по народу кощунственно славить Христа, тот,

считавший себя совершенно уверенно благодетелем своего народа» [Толстой 35: 552]. Наиболее полно эту характеристику сохранил также в своих воспоминаниях С. А. Берс, отмечавший, что Толстой оценивал свое мнение о Петре как «диаметрально противоположное общему», добавляя, что государь был лукав и жесток. Также Толстой «возмущался гибелью царевича Алексея, замученного и наконец убитого собственными руками отца — императора» [Берс: 188–189].

Толстой был уверен, что нашел своеобразный ключ к характеру Петра I. Об этом он также упоминает неоднократно, но наиболее подробно пишет В. Г. Черткову 7 ноября 1884 г., объясняя злодейства Петра I его постоянной страстной занятостью, «горячечной», «спешной деятельностью», лежащей в основе постоянного недовольства собой и людьми [Толстой 85: 114].

Обращение Толстого в начале 1870-х гг. к петровской теме лучше всего объясняется его словами из письма к Н. Н. Страхову, в котором писатель сообщает, что он «обложился книгами о Петре I и его времени», кропотливо собирает материал, очень хочет, но не может писать: «Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь, всё задача, загадка, разгадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут» [Толстой 61: 349]. Письмо написано в 1872 г., в первый период работы над романом, и свидетельствует о том, что она идет трудно, без уверенности автора в успехе («Я не огорчусь, если ничего не выйдет») [Толстой 61: 349].

Как представляется, в определении петровской эпохи как «узла» русской жизни кроется главное в понимании Толстым этого времени. Подготовка к написанию романа не ограничивалась выяснением только главных вопросов. Для автора было важно все, до мелочей, без которых общая картина не оживала, не приобретала необходимой художественной убедительности. По свидетельству Софьи Андреевны, он собирал и выписывал все, «что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья и всего, что касается обыденной жизни» [Толстая: 500]. В письме к В. К. Истомину, приятелю братьев Софьи Андреевны, Толстой просит также сообщить подробности о том, как выглядит местность недалеко от Азова: его интересует не только рельеф, но и то, какие там растут травы, какая водится дичь. Все это свидетельствовало о серьезнейшей подготовке к работе.

Еще до обращения к роману личность Петра I и время его правления оказывались в центре внимания Толстого, но в литературе для детей. Закономерным было появление этой темы в книжках-приложениях к журналу «Ясная Поляна», так как там давались первоначальные исторические сведения. Эти тоненькие книжечки карманного формата выходили ежемесячно, предназначались для начального детского чтения и носили такое же название, как и педагогический журнал Толстого.

В июньской книжке 1862 г. помещен рассказ «Петр Первый», а также ряд небольших исторических анекдотов в разделе «Истории про Петра». В написании рассказов для книжек принимал участие не только Толстой, но и его помощники, однако авторство этого рассказа точно на сегодня не определено. Некоторые детали в его содержании позволяют предположить, что авторство этого небольшого рассказа принадлежит именно Толстому, а не кому-то из его помощников.

Во-первых, в пользу этого предположения свидетельствует начало произведения. На фоне довольно небольшого общего объема рассказа, в котором упоминается и объясняется даже раскол, довольно много внимания уделено обстоятельствам второй женитьбы царя Алексея Михайловича и рождения Петра. «Давно, назад тому лет двести, жил на Руси царь. Звали его Алексей Михайлович. У этого царя было два сына: одного звали Федор Алексеевич, а другого Иван Алексеевич. Царевичи оба были *слабые, неповорные*. Царь стал об них печалиться и думает про себя: “Как я умру, на кого оставлю свое царство? Сыновья мои хворые и с народом им не справиться. А жена моя померла и детей у меня больше не будет”. Он еще пуще запечалился и говорит: “Если б у меня была жена, она, может, родила б мне сына получше этих и я бы оставил ему после себя царство”. Так царь долго думал, и задумал взять себе другую жену. А у него был друг, Матвеев. Матвеев роду был небольшого, богатства у него тоже не было, а ума было много» (курсив мой. — Е. Н.) [Ясная Поляна: 5–6]. Дальше описывается, хоть и коротко, роль боярина Матвеева в женитьбе царя, появление новой невесты, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Среди сохранившихся вариантов начала романа времен Петра I вариант № 1 под названием «Стрельцы» построен Толстым на этом же материале. Повествование начинается с подробного рассказа о семье царя Алексея Михайловича, о его чадах и домочадцах. Потом переходит к событиям после смерти царицы Марьи Ильиничны: «Не прошло

года после смерти жены, как он сошелся в любовь с 18-летней незамужней девкой Натальей и через два года, чтобы прикрыть грех, женился на ней. Женился он на ней 22 января, а в мае она родила незаконного сына» [Толстой 17: 152]. Вероятно, негативное отношение к Петру I сложилось у Толстого окончательно уже к началу работы над романом. Иначе трудно объяснить, почему так скрупулезно в этом отрывке писатель излагает в манере, близкой к сказу (как в детском рассказе), практически все ходившие в то время скверные слухи о молодой царице, о роли Матвеева в женитьбе царя.

Второе предположение об авторстве детского рассказа опирается на словоупотребление: в рассказе упоминается о том, что сыновья у Алексея Михайловича были «слабые, непроворные». Предваряя работу над языком рассказов для будущей «Азбуки», Толстой много внимания уделял в период своей активной педагогической деятельности размышлениям о языке, на котором нужно писать для детей. Среди выработанных им требований были точность и выразительность языка. В контексте рассказа слово «непроворные» воспринимается совершенно естественно, оно понятно, образно. В статье «О языке народных книжек» Толстой как раз этот пример разбирает, показывая, почему слово «непроворные» легко объяснит для русского человека суть образа царевича Ивана Алексеевича по сравнению с «ловким» младшим царевичем. Представляется, что приведенные наблюдения над текстами позволяют предположить авторство Толстого в маленьком рассказе о Петре из книжки-приложения к журналу «Ясная Поляна».

В другой раз сюжет о Петре для детского чтения был включен Толстым во вторую книгу «Азбуки» и назывался «Петр I-й и мужик». Вся история носит характер исторического анекдота фольклорного происхождения о мужике, который подвез царя, не узнав его [Толстой 22: 238]. Предполагались и другие рассказы такого же характера о петровском времени, но они не были включены в «Азбуку».

Несмотря на глубокую погруженность Толстого в материал, на вторую попытку вернуться к работе над этим историческим замыслом (1879), увлекательно написанные фрагменты текста, во многом проработанные планы и сюжетные линии, обещавшие эпический размах повествования, роман не состоялся. Причины на самом деле могут быть различны. В одной из последних по времени выхода статей, посвященных этой проблеме, указывается на то, что время Петра удаляло творческую

мысль Толстого от его духовных и поэтических принципов, на «неясность для него психологии людей слишком отдаленной эпохи и жестокий, кровавый ее характер», на «отсутствие сформированного философского “ядра” повествования» [Гулин: 111–112]. Частично с этим мнением исследователя можно согласиться, но представляется, что есть и другая весьма веская причина оставления Толстым этой работы.

Написанные фрагменты текста несостоявшегося романа обнаруживают широкий подход к изображению петровской эпохи: здесь и сюжетная линия самого Петра I, и царевны Софьи, и братьев князей Голицыных, и жизнь простых крестьян, и раскол, и военные походы, и многое другое, что действительно могло бы обеспечить произведению настоящий эпический размах.

Но последовательно и упорно Толстой работает над ключевой метафорой повествования. В ней, как представляется, сосредоточена главная мысль этого произведения, раскрывавшая для Толстого объяснение характера петровской эпохи. В сохранившихся вариантах есть образ весов, которые долго не приходят в движение, несмотря на все усилия [Толстой 17: 163–164]. Наконец, наступает такой момент, когда последняя подброшенная горсть зерна приводит к тому, что все переворачивается: «Твердо — не двинется, сидит на земле гиря на одной стороне весов, пока сыплют зерно на другую сторону. Насыпят полную насыпку и все не двигается гиря; но вот подсыпали от совка горсть зерна и, покачиваясь, поднимается гиря и висит, дрожит, и дитя пальцем качнет, поднимет и опустит ее» [Толстой 17: 164]. Толстой постепенно оттачивает описание, стараясь сделать его более емким, лаконичным и выразительным. Когда описание весов приобретает необходимую выразительность, появляется эпизод пробуждения князя Василия Голицына, который вдруг почувствовал, что вся жизнь перевернулась.

Главная мысль, основная метафора были найдены. Не в отсутствии концепции романа, как думается, была причина оставления замысла, а в том, что тема «переворота» жизни оказалась гораздо более важной и животрепещущей применительно к современной Толстому действительности, к годам непосредственного начала работы над романом. Этот вопрос был главным как для Толстого-землевладельца, так и для крестьянина — переворот жизни и отношение к земле. И решаться эта проблема в художественном творчестве должна была не на историческом, а на самом что ни на есть животрепещущем современном материале.

Список литературы

Источники

Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит. 1978. Т. 1. С. 174–193.

Маковицкий Д. П. «Яснополянские записки». У Толстого. 1904–1910. М.: Наука, 1979. Книга вторая: 1906–1907. 687 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: 1862–1900. 606 с.

Ясная Поляна. Книжка для детей. 1862. Июнь. М.: В тип. Каткова, 1862. 63 с.

Исследования

Андреева В. Г. Помещики и землевладельцы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 30–42. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-30-42>

Гулин А. В. Несбывшийся эпос (Л. Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. Т. 2, № 3. С. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>

Ковалева Г. Н. К вопросу о фактических источниках незавершенного исторического романа Л. Н. Толстого о Петре I и его времени // Лев Толстой и мировая культура. Материалы Третьего международного Толстовского конгресса «К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого». М.: Ин-т языков и культур им. Л. Толстого, 2010. С. 70–76.

References

Andreeva, V. G. “Pomeshchiki i zemlevladel'tsy v romane L. N. Tolstogo ‘Anna Karenina.’” [“Squires and Landowners in the Novel ‘Anna Karenina’ by L. N. Tolstoy”]. *Usad'ba real'naiia — usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia* [Real Estate — Literary Estate: Vectors of Creative Transformation]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 30–42. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-30-42> (In Russ.)

Gulin, A. V. “Nesbyvshiisia epos (L. N. Tolstoi v rabote nad romanom iz vremeni Petra I)” [“An Unrealised Epic (Leo Tolstoy Busy with a Novel of the Days of Peter I)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 3, pp. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117> (In Russ.)

Kovaleva, G. N. “K voprosu o fakticheskikh istochnikakh nezavershennogo istoricheskogo romana L. N. Tolstogo o Petre I i ego vremeni” [“To the Question of the Actual Sources of L. N. Tolstoy’s Unfinished Historical Novel about Peter I and His Time”]. *Lev Tolstoy i mirovaia kul'tura. Materialy Tre't'ego mezhdunarodnogo Tolstovskogo kongressa “K 180-letiiu so dnia rozhdeniia L. N. Tolstogo”* [Leo Tolstoy and World Culture. Materials of the Third International Tolstoy Congress “On the 180th Anniversary of the Birth of Leo Tolstoy”]. Moscow, Institut iazykov i kul'tur imeni L'va Tolstogo Publ., 2010, pp. 70–76. (In Russ.)